

Кагуре снятся кошмары.

Гинтоки узнает об этом через четыре месяца после того, как позволил девушке остаться в его шкафу. Она просыпается с криками кровавого убийства, зовет Маму и Камуи-нии. Ни разу она не позвала своего отца.

Доходит до того, что Гинтоки каждую ночь вытаскивает ее из шкафа и оставляет спать на своем футоне, не заботясь о том, что она рыдает у него на плече или вытирает сопливый нос о его рубашку. Он слушает, как она плачет во сне, а потом засыпает сам.

Когда наступает рассвет, и первые лучи солнца падают на его лицо, он переносит Кагуру обратно в ее "кровать", зная, что она не проснется в ближайшее время. Он довольствуется тем, что позволяет ей овладеть собой несколько часов спустя.

Каждое утро она спрашивает, почему он такой ленивый бездельник, который не может заставить себя проснуться в разумное время - в восемь утра.

Каждое утро он отвечает, что он тайный шпион, который выполняет свои задания только глубокой ночью.

Это их утренний ритуал, который вполне устраивает Гинтоки, хотя это означает, что ему удаётся поспать всего три часа.

Когда Отосэ однажды спрашивает, почему он выглядит как панда, Гинтоки говорит ей правду, признавая, что ему понадобится помощь. Прошел уже почти год с тех пор, как Кагура с ним, а проблема все еще не исчезла.

Отосэ смотрит на него с чем-то, что можно описать только как гордость, и от этого у Гинтоки щемит в груди, потому что как давно на него никто так не смотрел?

"Ты ей подходишь". Отосэ нежно похлопывает его по руке. "Сначала я сомневалась, но ты воспитываешь ее лучше, чем большинство родителей".

Гинтоки напрягается, но тут же смеется. "Она не ребенок! Она маленький демон, и мы с тобой оба это знаем".

"Маленький демон?" Отосэ смеется во все горло, делая длинную затяжку из своей раковой палочки. "Значит, она - это маленький ты, нэ - Широяша?"

"Прекрати." рычит Гинтоки, игнорируя неприятное ощущение в животе. Он смотрит на хозяйку дома, которая только фыркает, но отходит от темы.

"Я знаю человека, который может помочь". Отосэ записывает номер и дает его Гинтоки. "Он специализируется на этом". Нахмутив брови, Отосэ забирает номер, как только Гинтоки берет его. "Если подумать, я позвоню ему здесь, а не ты пойдешь туда. Так будет менее неловко для Кагуры-тян".

Отосэ набирает номер, и собеседник почти сразу же берет трубку. Гинтоки игнорирует большую часть разговора, пока Отосэ не щелкает его по лбу, на ее лице появляется лукавая улыбка.

"Он спрашивает, не для вашей ли это дочери".

Гинтоки хмурится и выпивает чашку клубничного молока, которое он пил последние полчаса. Он бросает старую каргу и выбегает из бара, его сердце сжимается, когда он улавливает приглушенные слова Отосэ.

"Да, это точно его ребенок".

Два дня спустя мужчина, примерно возраста Отосэ, с добрыми серыми глазами и множеством морщин сидит на диване Ёрозуя, перед ним Кагура, Гинтоки и Шинпачи. Шинпачи уже знает, через что Кагура проходит почти каждую ночь, ведь он был свидетелем этого много раз.

Их верный пес лежит перед диваном, выполняя роль подставки для ног.

"Можешь ли ты рассказать мне, что тебе снится?" мягко спрашивает старик.

Кагура сначала не отвечает. Она с ужасом понимает, что ее ночные страхи до сих пор не прошли, и что Гин-чан знал о них с самого начала. Когда она узнает, что он делает для нее, она не дает себе труда прыгнуть в его сильные объятия и заснуть прямо там и тогда.

"Моя Мама." наконец говорит Кагура, утешаясь рукой, обхватившей ее плечо. Шинпачи придвигается ближе к ней, так что их ноги соприкасаются.

"Она мне снится, и как мой брат ушел, когда она слишком сильно заболела". Кагура фыркает. "Иногда мой брат убивает Маму, прежде чем убить меня в моих снах".

Рука на ее плече напрягается, и Шинпачи берет ее за руку, переплетая их пальцы.

Сеанс продолжается еще два часа, пока Кагура говорит и говорит, наконец, высвобождая годы накопившихся эмоций по отношению к брату и отцу и к тому, как они полностью бросили ее и ее мать.

Она рассказывает им, как брат заставил ее сражаться с более сильным Ято, чтобы доказать

ему свою ценность. Она рассказывает, как он оставил ее лежать в луже собственной крови, насмехаясь над ее мнимой слабостью. Она рассказывает, что ее умирающая мать использовала последние силы, чтобы помочь ей выздороветь, а потом умерла, когда Кагуре было всего пять лет.

"Что ты чувствуешь по отношению к своему отцу?" Мужчина тяжело вздыхает, обмениваясь взглядом с другим взрослым в комнате, который выглядит близким к тому, чтобы кого-нибудь убить.

"Он все еще мой папа", - медленно начинает девочка, - "Но я не думаю, что могу считать его отцом. Он никогда не был рядом со мной, когда мне это было нужно. Он никогда не видел, как я расту. Никогда не дорожил мной. Не так, как Гин-чан...". Она резко поднимает глаза, как будто пораженная собственным выводом. Она украдкой бросает взгляд на мужчину рядом с ней и с удивлением замечает, что он выглядит потрясенным.

Советник кивает, глядя на сереброволосого мужчину, сидящего рядом с ней. Он напряжен и суетлив, но все его внимание сосредоточено на маленькой девочке, которая сейчас прижалась к его боку.

"Я вижу". Он сдерживает улыбку, поклявшись поблагодарить Отосе за то, что она позволила ему увидеть такую уникальную семью.

"Тебе не нужен тот лысый!" восклицает мальчик в очках. "У тебя есть мы! Мы - твоя семья!"

Голубые глаза девочки расширяются от удивления и наполняются водой. Несколько мгновений она молчит, как бы давая себе время осмыслить услышанное.

"Семья." Кагура задыхается, глядя на улыбающиеся лица Гинтоки и Шинпачи. Да. Семья.

Она обхватывает шеи обоих мужчин и притягивает их к себе, на ее лице появляется широкая ухмылка. Собака под всеми ними твоякает в знак согласия и бьет хвостом, грохоча на всю квартиру.

Старик чувствует, как теплеет его сердце от увиденной перед ним сцены, и понимает, что его работа здесь закончена.

Он пожимает руку молодому самураю, который выглядит так, словно с его плеч сняли груз. Молодой мужчина глубоко кланяется и заставляет девушку сделать то же самое. Он удивлен, когда она обнимает его, но послушно гладит ее по голове.

"Я ничего не сделал". Он говорит Гинтоки, наблюдая, как дети идут на обед к Отосэ. "Я просто слушал, мы все слушали".

"Ты слушал." Гинтоки вздыхает, глядя вдаль. "Эта девочка слишком многое пережила слишком быстро. Как и Шинпачи. В конце концов, они всего лишь дети, и моя задача, как взрослого, заботиться о них и помогать им расти. Но я не могу сделать это в одиночку. Так что спасибо вам".

"Они воспринимают вас как семью". Старший мужчина улыбается. "Оба. Вы так много делаете и так мало ждете взамен".

"Я делаю то, что могу". Гинтоки тяжело сглотнул. Он знает, что любит их обоих, любит всех в этом баре, ну, кроме Кэтрин. Но даже кошка-грабительница – это та, за кого он готов убить. У него никогда не было хороших эмоций, со времен Сёю. Он предпочитает показывать, как он заботится, незаметными действиями.

Когда в тот день наступает ночь, Гинтоки расстилает futon прямо в их гостиной. Шинпачи и Кагура располагаются по обе стороны от него, а Садахару свернулся калачиком у их ног. Рука Шинпачи закинута ему на грудь, а ноги Кагуры лежат на туловище Гинтоки, ее ступни упрутся в бок Шинпачи.

Это неловко и немного болезненно, но в то же время удобно. По его мнению, это как нельзя лучше характеризует их семью. В ту ночь Гинтоки ложится спать, зная, что с Кагурой все будет хорошо.

На следующее утро он с удивлением видит на полке в баре фотографию в рамке, на которой изображены он сам, дети и Садахару, когда они спали. Кэтрин оказалась лучшим лазутчиком, чем он думал.

Гинтоки ловит взгляд Отосе и закатывает свой, когда она поднимает на него бровь.

"Не говори так, ты, карга". Он ворчит с насмешливым гневом.

"Они твои." твердо заявляет Отосе, не смея с ним не согласиться.

Гинтоки молчит несколько минут. Он погружен в свои мысли, и Отосе это знает.

"Я знаю." Он наконец признает, глядя на старуху с определенным блеском в глазах.

"Я всегда знал".